

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СИЛЛАБОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПИСЬМА ИЗ ЛОГОГРАФИЧЕСКОЙ НА МАТЕРИАЛЕ ЯПОНСКИХ СИЛЛАБАРИЕВ

Полякова Ксения Владимировна
К. филол. н., доцент, директор,
ЧУ ДПО "Академия востоковедения",
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет

GENESIS OF SYLLABOGRAPHIC WRITING SYSTEM DERIVED FROM LOGOGRAPHY ANALYZED VIA JAPANESE SYLLABARIES

K. Polyakova

Annotation

The article tackles upon Japanese syllabary genesis raised under the influence of Chinese logography, regarding the process as prototypical from the point of view of syllabary genesis and development. The Japanese writing system is still in its active phase of development, at the same time demonstrating certain type of rigidity. It is helpful to make use of Japanese syllabary for the research of logography-syllabary transition in general. Syllabary genesis can also be easily analyzed using the Japanese language, as it incorporates two independent processes of syllabary creation based on different graphic methods, influenced by writing needs of the historical period. The long peaceful co-existence of Japanese syllabary system with logography leading to no inner problems, can be regarded as one of the most important advantages for scientific research. The next aspect of grammarology under special discussion is obviously the graphic form, which can be easily researched with the help of the Japanese language. Hiragana and katakana differ greatly from the point of view of compiling methods and graphics, providing exclusive advantage for the Japanese language researches. Syllabaries, phonetically nearly equal, continue to save their influence and tend to show much difference in prospective usage.

Keywords: Grammarology, Japanese syllabary, logography, ideography, kanjikanamajiri.

Аннотация

В статье рассматриваются путь развития слоговой японской системы письма, возникшей из логографической системы как прототипический материал для изучения тенденций возникновения и развития силлабариев в целом. Японская система письма находится в своей активной фазе развития и демонстрирует определенный консерватизм, что позволяет использовать ее как богатый источник для изучения силлабариев, возникших из логографов. Сам процесс создания силлабариев также максимально удобно рассматривать на материале японского языка, поскольку проходили два параллельных процесса создания силлабических азбук различными графическими методами, основанными на потребностях письма того времени. Особо важным плюсом для изучения силлабариев именно в японском языке является факт продолжительного сосуществования силлабических азбук и логографии, не вступающих в противоречия друг с другом, а, наоборот, создающих логичную структуру японского письма. Силлабическая система письма в японском языке также представляет особый интерес в изучении такого существенного аспекта грамматологии, как графическая передача. Хирагана и катакана абсолютно отличны по способу образования и графике, что также дает существенное преимущество японскому языку как прототипическому в этом аспекте. Силлабические азбуки, фонетически дублируя себя фактически полностью, сохраняют свое влияние в языке, более того, показывают тенденции к еще большему расхождению в использовании.

Ключевые слова:

грамматология, японские силлабарии, логография, идеография, кандзиканамадзир.

ВВЕДЕНИЕ

Письменность как культурное явление имеет очень давнюю историю и свои особенности развития, как в рамках мировой межкультурной парадигмы, так и внутри системы одного языка. Научное обоснование необходимости детального изучения этого направления возникло лишь в середине двадцатого века. Несмотря на то, что дешифровкой письма и другими важными, но все же частными аспектами занимались и ранее, в теоретическое направление грамматология оформилась относительно недавно. Это стало причиной расхождения некоторых

терминов или их дефиниций. Другими словами, многие термины еще просто не закрепились в научной парадигме. Также немаловажным препятствием на пути к единообразию научного аппарата стал тот факт, что изучение письма – одна из самых непопулярных научных областей, которую обычно затрагивают только востоковеды, без выхода в более широкий лингвистический научный круг. В этот нет ничего удивительного, поскольку алфавиты зачастую сразу переводят наше внимание на фонетическую основу своего происхождения, упуская из виду необходимость графического и исторического анализа.

Основная часть

Сложившаяся ситуация повлияла на использование таких важных терминов письма, как логография, идеография, словесные знаки, силлабарии, словесно-слоговые системы и другие. Без определенной унификации будет сложно описать проблему перехода логографической системы в словесно-слоговую. Вопросы унификации системы были затронуты еще И. Е. Гельбом в его известной работе "Опыт изучения письма", где он не единожды акцентирует внимание на неправомерности употребления термина "идеография" и "идеограмма", как полного синонима терминов "логография" и "логограмма". По его мнению, "логография – письмо, в котором один знак, как правило, соответствует одному или нескольким словам языка", а логограмма, соответственно, "словесный знак, употребляемый в логографии" [1, с. 237]. Термины идеограмма и идеография И. Е. Гельб относит к "неприемлемым" [1, с. 243] и "ошибочно употребляемыми филологами" [1, с. 236].

В представленной статье мы также будем придерживаться традиции использования термина "логограмма" и его производных. Для обозначения слогового письма в научной литературе используются термины "силлабография", "силлабическое письмо" или "слоговое письмо", отражая явления одного порядка, что не приводит к противоречиям. Отдельные знаки также могут быть названы "силлабическими знаками", "слоговыми знаками" или "силлабограммами" соответственно. Для набора знаков слогового письма целесообразным считаем употребление термина "силлабарий", несмотря на его не совсем корректную корреляцию с английским 'syllabary'. Для систем, употребляющих как логографические, так и силлабические знаки будем использовать термин "словесно-слоговые".

Слоговые системы письма, возникшие из логографических систем, относительно немногочисленны, но демонстрируют определенное единство тенденций возникновения и развития. Это касается как момента заимствования письма, так и периода его раннего развития в рамках новой культуры. Так, у Д. Дириджера можно найти следующее замечание: "Историей письма зафиксировано всего несколько чисто слоговых письменностей. Наиболее важные из них следующие: 1) псевдоиероглифическая письменность из Библа (Сирия), 2) древнекипрское слоговое письмо, 3) две употребляемые вплоть до настоящего времени японские слоговые письменности и 4) слоговые системы, составленные относительно недавно народами Западной Африки и Северной Америки" [3, с. 193]. Из всех доступных культурных пар, где были осуществлены переходы из логографической системы в силлабический максимальный интерес представляет пара Китай – Япония, особенно в связи с тем, что обе страны активно функционируют и по сей день, используя письменность без перехода в кардинально иную систему. Подобное "долгожительство" в мировой истории письма

является уникальным явлением.

Также особый интерес представляет стоящая несколько отдельно тема сохранения иероглифического письма в объеме, необходимом для развития той и другой нации. Заимствованная система развивалась неоднородно, но была сохранена в потребляемом объеме, соответствующем типологии языка, культурному развитию и коммуникативным письменным потребностям.

Невозможность прямого заимствования китайской письменности и использования ее в японском языке без изменений факт абсолютно очевидный. В противоречие вступают не только социальные факторы, о которых пойдет речь далее, но и чисто формальные, лингвистические противопоставления. Китайский язык с его корнеизолирующим грамматическим строем идеально подходящий для логографической письменности оказался трудно адаптируемым для нужд развитой агглютинативной системы японского языка, которая также усугублена остаточной флексией, сохраняющейся в японском языке и поныне. Еще одним существенным для письма отличием структуры китайского и японского языков явилось противопоставление моносиллабический (китайский) – полисиллабический (японский). Все это привело к тому, что в японский язык логографическое письмо без изменений попасть просто не могло, так как требовалось отразить каким-то образом грамматический формант.

Как справедливо отмечал В. А. Истрин: "...при помощи логограмм легко передаются неизменяемые корневые основы слов, но гораздо труднее – различные грамматические формы слов, выражаемые в агглютинативных языках системой аффиксов" [2, с. 182]. Другими словами, как Корея, так и Япония, оказались в определенной степени вынужденными менять систему письма после ее заимствования из Китая. При этом, надо отметить еще один важный факт: отвечая за грамматические показатели, новая силлабическая система письма не требовала уничтожения логографического строя, наоборот, она показывает четкую тенденцию успешного сосуществования двух систем в рамках одного языка. Подобное состояние дел позволило создать самую сложную из ныне существующих систем письма, японскую смешанную систему, называемую обычно "кандзиканамадзири" – "смешение китайских знаков и канны". В действительности же, на сегодняшний момент в японскую систему письма входят как логограммы, обязательные для изучения и имеющие минимум, установленный Министерством образования, две слоговые азбуки и фонетическая азбука (латиница), которая также употребляется наравне с вышеуказанными традиционными системами.

Главным фактором, который способствовал легкому внедрению азбуки в Японии, оказалась удивительная простота фонетики японского языка, которая не предусматривала скопления гласных и согласных звуков. Такой фонетический строй позволил сделать лаконичную (первоначально 51 знак, ныне 45 знаков) слоговую азбуку, которая до сих пор является незаменимой. Азбука была

создана в двух графических разновидностях: катакана и хирагана, которые также продолжают свое существование и сейчас. Создание катаканы и хираганы не было процессом абсолютно тождественным, скорее, наоборот, это были во многом противопоставленные друг другу способы создания. О разнице двух систем так писал в своей работе "Развитие письма" чешский профессор Ч. Лоукотка: "Этот слоговый алфавит, названный катакана, представляет собой, собственно говоря, систематическую обработку сокращений китайского письма, употреблявшихся и ранее. Они возникли из письма кай-шу, однако произносятся применительно к древнеяпонскому произношению китайских слов... По иному принципу построен алфавит хирагана... В его основу положено китайское письмо цзяо-шу, и несмотря на то, что оно труднее и содержит больше вариантов для одного и того же слога, чем катакана, все же хирагана пользуется большей популярностью" [4, с. 260–262]. Здесь стоит упомянуть тот факт, что популярность того или иного вида письма в Японии связана, скорее, с внешними факторами и определенной "престижностью", о которой писал В. М. Алпатов. Так, казалось бы, неоспоримой престижностью обладает иероглифика. В. М. Алпатов отмечает, что: "Наиболее очевидная из них заключается в престижности иероглифики и ее связи с японской национальной культурой. В течение веков знание иероглифов в Японии было признаком образованности и в значительной степени и признаком высокого социального положения; кана такой престижностью не обладала, недаром женщины, если они были грамотны, обычно знали лишь кану. Большую роль в Японии играли заимствованные из Китая конфуцианские представления с их своеобразным культом письменного" [5, с. 123–124]. Но современное общество не так трепетно относится к иероглифике, это можно увидеть по увеличению названия частных фирм, написанных на катакане, большому количеству "кричащих" вывесок, огромному числу вторяющихся заимствований, нужды в привнесении которых в язык на данный момент нет. Вопрос исключительно в престижности катаканы, как отражения культуры западного мира.

Поэтому, во многом, популярность стала очень нестабильным фактором, несмотря на консерватизм японцев. Политические и социальные изменения приводили к увеличению или уменьшению того или иного вида письменности, "престижность" требовала в определенные периоды истории сокращать количество логографических знаков, как постоянных носителей штампа "китайского письма", или, наоборот, хаотично увеличивать роль катаканы в послевоенный период, в связи с большим политическим акцентом на необходимости внедрения американской культуры в японском обществе. Поэтому, вероятнее всего, стоит говорить о популярности той или иной системы письма в Японии исключительно применительно к определенному периоду и с оглядкой на социальный фактор.

Для сложных логографических письменностей и созданных из них силлабических азбук всегда актуальным становится вопрос графики и частично связанный с ними вопрос техники письма, материалов и инструментов. Наследники фонетического письма лишь частично знакомы с этой проблемой, тогда как для технически сложного написания знака имело значение все: изменение в инструментах могло привести к серьезнейшим последствиям в технике написания. Этот момент также неразрывно связан с социальным фактором: силлабические системы, которые были созданы на логографической основе в основном пошли по линии упрощения, а значит, и демократизации. Письмо становилось доступнее. К выводу об упрощенности системы силлабариев приходят многие ученые, так И. Е. Гельб отмечал: "все слоговые письменности либо тождественны соответствующим силлабариям словесно-слоговых письменностей, от которых они образованы, либо представляют собой их упрощение" [1, с. 158].

В действительности, сам процесс перехода из логографии в фонетическое письмо известен был и в Китае, так как была необходимость в передаче имен собственных, особенно пришедших из санскрита. Постепенно фонетический принцип стал использоваться и в более широком смысле слова. Научная оценка подобного использования логографического письма может быть неоднозначной. С одной стороны нарушаются границы сугубо логографии и происходит прорыв в фонетический принцип, что является залогом создания азбуки. С другой стороны, как отмечал Хван М. Ф. в своем исследовании "Идеография (курс дальневосточной письменности)", происходит разрушение самой логографии, которая в своей основе не имеет связей с фонетикой, что и является ее сильной стороной. Для логографии вторжение любого фонетического использования является этапом в ее постепенном разрушении.

Однако, несмотря на то, что использование фонетического письма совершенно очевидно является более простым и демократичным, логографические культуры, даже успешно создав альтернативы сложной системе, никогда не переходили на них. Более того, слоговые системы создавались и приживались во вторичных письменных культурах, заимствовавших логографию, а не в первичных.

Также произошло и в ситуации с Китаем и Японией. Безусловно, принципы перехода в фонетическую систему были сформулированы еще в языке-носителе письменной культурной традиции, но в полноценную систему, или, точнее сказать, часть системы слоговый алфавит был внесен только во вторичной японской культуре.

Японские силлабарии характеризуются тем, что вобрали в себя несколько принципов графического перехода из логографов. Это стало возможным благодаря тому, что принципы создания катаканы и хираганы (одна исходила из уставного, вторая из скорописного варианта логограмм) в корне отличны, но оба не противоречат пропи-

санному И. Е. Гельбом направлению на упрощение. Также немаловажную роль сыграл тот факт, что в китайском языке логография также частично носит слоговый характер, что не вступало в противоречия с заявленной задачей создания силлабария. Получается, менялась лишь суть использования, а силлабичность в какой-то степени присутствовала первично.

Многие из тех, кто только приступает к изучению японского языка не видят смысла в сохранении двух практически одинаковых систем силлабического письма в рамках одной языковой культуры. Это, конечно, может показаться плеоназмом и сохранением консервативной традиции. Но в действительности система слогового письма не так консервативна и это не дань прошлому. В действительности кана также подвергалась реформированию и переоценке ее методов использования. Если при зарождении она прошла путь уступления в письменность по принципу разделения – уставное и привольное, а по сути, китайское и японское (камбун и вабун), то сейчас принципы использования катаканы и хираганы не отражают первичное состояние. Япония, подверженная воздействию американской культуры уже после последних существенных реформ 40–х гг. XX века, позволивших отойти от исторического написания и сократить количество знаков двух азбук до 46, все же продолжает путь реформирования каны. Более того, силлабическое японское письмо продолжает свой путь адаптации под инородное фонетическое американское происхождение. Постепенно в правила катаканы были введены правила, которых нет и не будет в хирагане. Алпатов М.В. назвал это явлением "периферией японского языка", что, безусловно, так. Нововведения в области катаканы не дают нам право говорить о том, что она кардинально реформируется, однако ее гибкость и гипотетическая возможность участие в реформах языка показывает большую адаптивность силлабарией в историческом процессе. Более того, на примере японской системы письма можно смело говорить о возможностях социо-политического аспекта реформации

письма. Так, послевоенная Япония, демонстрирующая приверженность американской культуре, постоянно повышает уровень значимости заимствований, а значит и катаканы. При этом не происходит уменьшения использования логографии, и никак нет места процессу полного замещения логографов соответствующими знаками каны. Но в области функциональной стилистики все же видны изменения. Престижность логографии на бытовой уровне существенно снижена, катаканы, наоборот, поднята до предела. Но сама уникальность кандзиканамадзири позволяет перераспределять функции письма легко и без полного отхода и разрушения системы. Как бы всегда остается шанс вернуть все на свои исторические места. Эта функция несет в себе еще и основы для сохранения национального языка. Несмотря на все политические уровни давления, всегда есть возможность стилистического маркирования: если слово продолжает писаться с помощью силлабария катаканы, оно так или иначе воспринимается как инородное. Это дает шанс японскому языку в один момент отказаться от синонимичных заимствований без ущерба для самого пользователя языковой системы. Это вариативность кандзиканамадзири удобна и компенсирует все проблемы, связанные с долгим и мучительным освоением японцами своей письменности.

ВЫВОДЫ

Японское письмо является уникальным и неисчерпаемым источником для рассмотрения многих грамматологических принципов, которые в силу естественных причин оказываются скрытыми от взора ученых, уделяющих внимание европейским и китайскому языку. Уникальное сочетание систем не только поддерживает особое развитие японской нации, но и помогает находить многие ответы на вопросы, которые формулирует для нас сложная система возникновения и развития письма в естественных языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гельб, И. Е. Опыт изучения письма. (Основы грамматологии) – М.: Радуга, 1982. – 376 с.
2. Истрин, В. А. Развитие письма – М.: Издательство академии наук СССР, 1961. – 403 с.
3. Дирингер, Д. Алфавит – М.: Издательство иностранной литературы, 2004. – 654 с.
4. Лоукотка, Ч. Развитие письма. /перевод с чешского Соколова Н. Н.– М.: Издательство иностранной литературы, 1950. – 320 с.
5. Алпатов, М. В. Япония: язык и общество. М.: Наука, (Изд. 1–е.). М., 1988. – 136 с.
6. Хван, М. Ф. Идеография [Текст]: (Курс дальневосточной письменности) / М. Ф. Хван; Под ред. и с предисл. проф. Ю. К. Щуцкого ; Ленингр. вост. ин-т при ЦИК СССР. Ленингр. ин-т истории, философии, лингвистики и литературы. – Ленинград: [б. и.], 1936. – 396 с.